

Книга Митча Элбома — дар человечеству.
Philadelphia Inquirer

Митч Элбом

Вторники с морри,
или
величайший
урок жизни

Азбука-бестселлер

Митч Элбом

**Вторники с Морри, или
Величайший урок жизни**

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Элбом М.

Вторники с Морри, или Величайший урок жизни / М. Элбом —
«Азбука-Аттикус», 1997 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-17872-4

Митч Элбом (р. 1958) – известный американский писатель, журналист, сценарист, драматург, радио- и телеведущий и музыкант, чьи книги проданы тиражом более 39 миллионов экземпляров по всему миру. «Вторники с Морри» (1997) – книга, представляющая собой хронику еженедельных встреч автора со своим бывшим преподавателем социологии, 78-летним Морри Шварцем, умирающим от неизлечимой болезни. Каждый вторник Митч приезжал из Мичигана в Массачусетс и вел с Морри обстоятельные беседы о жизни и смерти, о любви и дружбе, об истинных и ложных ценностях. Пытаясь найти способ оплатить медицинские счета Морри, Митч решил выпустить книгу, рассказывающую об этих встречах. Опубликованные поначалу небольшим тиражом, «Вторники...» благодаря упоминанию в шоу Опры Уинфри вошли в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а затем надолго заняли в нем верхнюю строчку. Неоднократно переизданная и переведенная более чем на 40 языков, книга Элбома в 1999 году стала литературной основой одноименного фильма с Джеком Леммоном в роли Морри (премия «Эмми») и Хэнком Азариа в роли Митча.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17872-4

© Элбом М., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Учебная программа	7
План уроков	8
Студент	12
Наглядные пособия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Митч Элбом
Вторники с Морри,
или Величайший урок жизни

Mitch Albom
TUESDAYS WITH MORRIE
Copyright © 1997 by ASOP, Inc.
All rights reserved

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с английского Евгении Золот-Гасско
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© Е. Р. Золот-Гасско, перевод, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящаю эту книгу своему брату Питеру, самому отважному из
всех, кого я знаю*

*Памяти моего отца Раймонда Гасско.
Е. Золот-Гасско*

Учебная программа

Последние уроки жизни моего профессора проходили раз в неделю у него дома, в кабинете, возле окна, сквозь которое он мог наблюдать за маленьким, роняющим розовые листья гибискусом. Уроки шли по вторникам. Начинались после завтрака. Темой уроков был смысл жизни. Преподавались из жизненного опыта.

Отметок не ставилось, но каждую неделю был устный экзамен. На нем нужно было отвечать на вопросы и нужно было задавать свои. И еще время от времени выполнять задания: повернуть голову профессора в удобное положение на подушке или надеть ему на переносицу очки. За прощальное объятие оценка повышалась.

Учебников не требовалось, хотя тем было пройдено много: любовь, работа, община, семья, старение, прощение и в самом конце – смерть.

Вместо выпускной церемонии были похороны.

Выпускных экзаменов не было, но требовалось написать сочинение о том, чему ты научился. Оно перед вами.

На эти последние уроки жизни моего старого профессора приходил только один студент. Это был я.

Конец весны 1979 года. Жаркий и влажный субботний полдень. Мы сидим на огромной лужайке бок о бок на складных деревянных стульях перед зданием университета – нас несколько сотен. На нас синие нейлоновые мантии. Мы нетерпеливо слушаем длинные речи. Но вот церемония закончена, мы бросаем в воздух наши «кепки»; теперь мы официально выпускники университета Брандейса (г. Уолтем, штат Массачусетс). Упал занавес – для многих из нас только что кончилось детство.

Я разыскиваю моего любимого профессора Морри Шварца и знакомлю с ним родителей. Морри маленького роста и движется маленькими шажками, будто всякую минуту порыв ветра может сдуть его и унести в облака. В своей полагающейся в выпускной день мантии он похож на гибрид библейского пророка с эльфом. У него искрящиеся сине-зеленые глаза под пучками седоватых бровей, волосы, падающие на лоб, поредевшие и серебристые, большие уши и треугольный нос. И хотя зубы у него кривые, а нижние к тому же и скошенные, словно кто-то однажды заехал ему в челюсть, улыбка его первозданна и прекрасна.

Морри рассказывает моим родителям, что я прослушал все его предметы.

– У вас необыкновенный сын, – говорит он.

Я смущенно утыкаюсь взглядом в землю. Перед уходом протягиваю ему подарок – светло-коричневый портфель с его инициалами. Я купил этот портфель в торговом центре накануне. Мне хотелось, чтобы Морри остался в моей памяти. А может, мне хотелось, чтобы Морри не забыл меня.

– Митч, ты отличный парень. – Морри восхищенно смотрит на портфель. Он обнимает меня. Я чувствую на спине его тонкие руки. Я выше его ростом, и в его объятии мне неловко, точно я старше его; словно я взрослый, а он ребенок.

Морри спрашивает, собираюсь ли я поддерживать с ним отношения, и без всяких колебаний я отвечаю: «Конечно».

Он уходит, и я вижу, что у него на глазах слезы.

План уроков

Смертный приговор был объявлен летом 1994 года. Когда Морри оглянулся назад, он понял, что еще задолго до этого догадывался: с ним что-то неладно. Впервые это пришло ему в голову в тот день, когда он бросил танцевать.

Мой старик-профессор был завзятым танцором. Под какую музыку танцевать – не имело значения. Рок-н-ролл, джаз, блюз – Морри любил все. С закрытыми глазами и блаженной улыбкой он двигался в своем собственном ритме. Это не всегда выглядело привлекательно, но зато он не нуждался в партнере. Он танцевал сам по себе.

Каждую среду Морри приходил в недействующую церквушку на Гарвардской площади на нечто под названием «Танцуй бесплатно». В белой футболке и черных спортивных штанах, с полотенцем на шее он бродил в толпе студентов под светом музыки и грохот репродукторов и танцевал под то, что в тот вечер играли. Он танцевал линди под Джимми Хендрикса. Он крутился и вертелся, махал руками, как дирижер за пультом, пока пот не начинал катиться градом у него меж лопаток. Никто вокруг не знал, что он известный профессор социологии, у которого за спиной огромный опыт и несколько выдающихся трудов. Студенты, наверное, думали, что это просто спятивший старик.

Однажды Морри принес с собой кассету с танго и уговорил их запустить ее. И тут он воцарил над всеми: носился взад-вперед по залу, как страстный испанский любовник, а когда танец закончился, все зааплодировали. Если б он мог замереть в этом миге навечно!

Но вскоре с танцами было покончено.

Морри было за шестьдесят, когда у него началась астма. Ему стало трудно дышать. Однажды, когда он гулял вдоль реки, налетел порыв холодного ветра, и он закашлялся от удущья. Его тут же отвезли в больницу и вкололи адреналин.

Через год-другой ему стало трудно ходить. На дне рождения одного из своих друзей он вдруг ни с того ни с сего споткнулся и упал. В другой раз, к полному изумлению публики, он упал со ступеней в театре.

– Воздуха ему! Воздуха! – закричал кто-то.

Тогда ему уже было за семьдесят; вокруг зашептали: «Старость...» – и помогли ему подняться на ноги. Но Морри, который знал себя лучше, чем знают себя многие из нас, догадался, что не в старости дело. Было что-то и помимо старости. Морри все время чувствовал усталость. Ему плохо спалось. Снилось, что он умирает.

Морри стал ходить к врачам. К разным врачам. Ему проверяли кровь. Проверяли мочу. Заглядывали через задний проход в кишку. В конце концов, когда ничего не нашли, один из докторов послал Морри на биопсию мышц, и у него отщипнули кусочек икры. Результат анализа указывал на неврологическую проблему, и Морри послали на очередную серию проверок. Во время одной такой проверки его посадили на специальное сиденье – нечто вроде электрического стула – и подвергли действию электроразрядов, чтобы изучить неврологические реакции.

– Надо в этом получше разобраться, – сказали доктора, изучая результаты.

– Почему? – спросил Морри. – Что там такое?

– Не совсем понятно. Реакции были замедленные.

Реакции замедленные. Что это значит?

Наконец в жаркий, влажный полдень августа 1994 года Морри и его жена Шарлотт пришли к невропатологу, и врач, прежде чем объявить новость, попросил их сесть. У Морри нашли боковой амиотрофический склероз, или сокращенно БАС (болезнь Лу Герига), жестокое, беспощадное заболевание нервной системы.

Болезнь считалась неизлечимой.

– Как же я ею заболел?

Никто не знал.

– Она смертельная?

– Да.

– Значит, я умру?

– К сожалению, да, – сказал доктор.

Он просидел с Морри и Шарлотт почти два часа, терпеливо отвечая на их вопросы. При прощании он дал им брошюры с информацией о БАС. С виду они напоминали те, что дают, когда открываешь счет в банке. На улице сияло солнце, и кругом как ни в чем не бывало сновали люди. Женщина подбежала к счетчику на парковке и бросила в щель монету. Другая прошла мимо с покупками. У Шарлотт в голове роем закружились мысли: «Сколько же у нас осталось времени? Как мы со всем этим справимся? На что будем жить?»

А мой профессор в это время стоял, потрясенный тем, что все вокруг было так обыденно. «Почему мир не остановился? Разве никто не знает, что со мной случилось?»

Но мир не остановился. И люди не обращали на Морри никакого внимания. Он с трудом открыл дверцу машины и почувствовал, что проваливается в бездну.

«Что же теперь будет?» – подумал он.

Пока мой старик-профессор искал ответы на свои вопросы, болезнь овладевала им сильнее и сильнее с каждой неделей и с каждым днем. Однажды утром он хотел вывести из гаража машину и с трудом смог нажать на педаль тормоза. На этом закончилось его вождение.

Морри то и дело спотыкался – пришлось купить палку. На этом завершилась его самостоятельная ходьба.

Профессор отправился в очередной раз в бассейн и обнаружил, что не может сам раздеться. Ему пришлось впервые в жизни нанять помощника – Тони, студента теологии, который помогал Морри входить в бассейн и выходить из него, помогал раздеться и одеться. В раздевалке пловцы притворялись, что не глядят на Морри. И все равно глазели. Так тайна становилась достоянием окружающих.

Осенью 1994 года Морри вернулся в университет Брандейса прочитать свой последний курс. Конечно, он мог этого и не делать. В университете бы поняли. К чему страдать на виду у стольких людей? Сиди себе дома. Приводи в порядок дела. Но мысль об уходе даже не приходила Морри в голову.

Прихрамывая, вошел он в аудиторию, комнату, что служила ему вторым домом более тридцати лет. Медленно, с трудом добрался до стула. Опустился на него, уронил с носа очки и посмотрел на молодых людей, молча взиравших на него.

– Друзья мои, я полагаю, вы все здесь собрались послушать курс социологии. Я читал этот курс двадцать лет и впервые должен признаться, что брать его вам на этот раз рискованно: я смертельно болен. Я могу не дожить до конца семестра. Если для кого-то из вас это имеет значение и вы решите поменять мой курс на другой, я не обижусь. – Он улыбнулся.

Так его болезнь перестала быть секретом.

БАС подобен зажженной свече: он растапливает нервы и оставляет телу сгусток воска. Часто болезнь начинается с ног, а потом движется выше и выше. Теряется контроль над мышцами ног – и ты не можешь стоять. Теряется контроль над телом – и ты не можешь прямо сидеть. Под конец, если ты еще жив, то дышишь уже через вставленную в горло трубочку, а твоя душа в это время в полном сознании томится в вялой скорлупе, способной уже только моргать и едва шевелить языком, словно ты персонаж научно-фантастического фильма – человек, замороженный внутри собственной плоти. Заболев, ты доходишь до такого состояния лет за пять.

Врачи сказали Морри, что жить ему осталось два года.

Морри знал, что осталось меньше.

Но мой старый профессор принял серьезное решение, начавшее зреть в нем со дня, когда он вышел из кабинета врача, осознав, что над его головой навис дамоклов меч. Он сказал себе: «Я могу зачохнуть и незаметно исчезнуть, а могу прожить оставшееся время наилучшим образом».

Он не будет чахнуть. Он не будет стыдиться умирания.

Смерть станет его последним проектом, сосредоточением всех последующих дней. Так как всем предстоит умереть, его опыт может оказаться необычайно ценным. Он может стать темой исследования. Живым учебником. *Изучайте мой неторопливый уход. Смотрите, что со мной происходит. Учитесь вместе со мной.*

Морри решил пройти по последнему мосту между жизнью и смертью и поведать другим о своем пути.

Осенний семестр прошел быстро. Число таблеток увеличилось. Физиотерапия стала ежедневной рутиной. К профессору домой приходила медсестра. Чтобы мышцы совсем не увяли, она сгибала его слабеющие ноги, будто качая воду из колодца. Раз в неделю приходил массажист смягчить постоянную неподвижность мышц. Морри встретился с учителями медитации, и те научили его, как, закрыв глаза и сужая мысли, можно свести мир только к дыханию: вдох, выдох, вдох, выдох.

Однажды, пытаясь с помощью палки взойти на тротуар, Морри упал на дорогу. Палку пришлось сменить на ходунки. Тело его ослабевало все больше и больше, и скоро поход в туалет стал невыносимо труден; он начал мочиться в большую пробирку. Но сил не хватало делать это самостоятельно – кто-то должен был держать пробирку.

Большинству из нас все это было бы страшно неловко, особенно в возрасте Морри. Но Морри не был похож на большинство из нас. Когда кто-то из ближайших коллег приходил его навестить, он, бывало, говорил им: «Слушай, мне надо помочиться. Ты не против помочь? Тебя это не смутит?»

Часто, к их собственному удивлению, приятели были не против помочь.

Он развлекал растущий поток посетителей. У него собирались группы людей поговорить о смерти, о ее значении в жизни, о том, как общество всегда боялось смерти и никогда не пыталось понять ее суть. Морри сказал своим друзьям, что, если они хотят по-настоящему помочь ему, не надо выражать ему сочувствие; пусть они навещают его, звонят, делятся своими заботами так, как делали это прежде, ведь Морри всегда умел замечательно слушать.

Вопреки всему, что происходило с Морри, голос его звучал сильно и зазывно, в его мозгу вибрировали тысячи мыслей. Ему хотелось доказать, что слово «умирающий» не значит «бесполезный».

Пришел и ушел Новый год. И хотя Морри никому не говорил об этом, он знал, что это будет последний год его жизни. Теперь он уже сидел в инвалидной коляске и всю сражался со временем: надо было успеть сказать все, что ему хотелось, тем, кого он любил. Когда его университетский коллега внезапно умер от сердечного приступа, Морри отправился к нему на похороны. Вернулся домой он страшно подавленным.

– Как жалко, – сказал он. – Все, кто там был, говорили о Эрве столько хорошего, а он ничего этого не слышал.

И Морри осенило. Он позвонил друзьям. Он выбрал день. И в холодный воскресный полдень у него собралась небольшая группа друзей и родных на «живые похороны». Каждый из пришедших отдал дань моему старому профессору. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. А одна женщина прочитала стихотворение:

Мой дорогой, любимый кузен...

Ты движешься сквозь время,
Рассекая слой за слоем.
И твое вечно молодое сердце
Точно нежная секвойя...

Морри плакал и смеялся вместе со всеми. И все самое сокровенное, что мы никогда не решаемся сказать тем, кого любим, Морри высказал в тот день. «Живые похороны» удалась на славу.

Только Морри еще не умер. Более того, самая поразительная часть его жизни только начиналась.

Студент

Теперь же я хочу вам рассказать, что происходило со мной с того самого летнего дня, когда я обнял своего старого, мудрого профессора и обещал не забывать его.

Я не выполнил обещания.

Честно говоря, я перестал поддерживать отношения почти со всеми университетскими приятелями, включая женщину, с которой впервые в жизни проснулся однажды поутру. За годы после окончания университета я очерствел и превратился в человека, сильно отличавшегося от того по-детски самоуверенного выпускника, который направлялся в Нью-Йорк одарить мир своими талантами.

Как выяснилось, мир вовсе их не жаждал. Мне было тогда чуть за двадцать, и все мои занятия свелись к внесению платы за квартиру, чтению объявлений о работе и нескончаемому изумлению: почему мне не улыбается фортуна? Я мечтал стать знаменитым музыкантом (я играл на фортепьяно), но после нескольких лет в темных, пустых ночных клубах, невыполненных обещаний, музыкальных групп, что без конца распадались, и их руководителей в восторге от всех, кроме меня, мечта моя увяла. Впервые в жизни я потерпел поражение.

И в то же самое время я впервые всерьез соприкоснулся со смертью. Мой любимый дядя, брат матери, человек, который приобщил меня к музыке, дразнил девочками, научил водить машину и играть в футбол, тот самый взрослый, над которым я подшучивал, будучи ребенком, и о котором я сказал: «Вот кем я хочу стать, когда вырасту», умер сорока четырех лет от роду от рака поджелудочной железы. Мой дядя был хорош собой, невысокого роста, с густыми усами. Я жил с ним в одном доме, в квартире этажом ниже, и последний год его жизни мы провели вместе. Я видел, как его крепкое тело сначала усохло, потом вздулось, видел, как он мучился: согнутый дугой над обеденным столом, с закрытыми глазами, он сжимал обеими руками живот, и рот его искажался от боли. «А-а-а-а, боже! – стонал он. – А-а-а-а, господи!» Все мы – его жена, его двое сыновей и я – сидели рядом и, стараясь не смотреть на него, торопливо доедали обед.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным.

Однажды майской ночью мы расположились с дядей на балконе его квартиры. Было тепло и чуть ветрено. Он устремил взгляд к горизонту и вдруг процедил, что дети его будут ходить в будущем году в школу уже без него. Он спросил меня, не присмотрю ли я за ними. Я ответил, что он не должен так говорить. Он грустно посмотрел на меня.

Через несколько недель дядя умер.

После его похорон жизнь моя переменялась. Я неожиданно почувствовал, что время бесценно, словно вода, текущая из открытого крана, и, чтобы не потерять его, я должен нестись во весь опор. Я не буду больше играть в полупустых ночных клубах. Не буду больше, засев в квартире, сочинять песни, которые никто не собирается слушать. И я снова пошел учиться. Получил степень магистра в области журналистики, а вскоре и первую работу – спортивного репортера. Я перестал гоняться за славой и стал писать о погоне за славой знаменитых спортсменов. Я работал в газетах и сотрудничал с журналами. Я работал со скоростью, не знавшей предела. Я просыпался утром, чистил зубы и садился за пишущую машинку в том, в чем спал. Мой дядя работал на одну из корпораций и ненавидел свою работу: изо дня в день одно и то же, одно и то же. Я же поклялся, что со мной такого никогда не случится.

Я метался между Нью-Йорком и Флоридой и в конце концов устроился на работу в Детройте – корреспондентом «Детройт фри пресс». Город этот обладал ненасытным спортивным аппетитом – там было четыре профессиональные команды: футбольная, баскетбольная, бейсбольная и хоккейная, – и для моего честолюбия это было как раз то, что надо. Через несколько лет я не только сочинял статьи для газеты, но и писал спортивные книги, готовил радиопро-

граммы и без конца выступал на телевидении, фонтанируя мнениями о преуспевающих футболистах и лицемерных спортивных программах колледжей. Нашу страну захлестнула журналистская буря, и я попал в струю. На меня был спрос.

Я перестал снимать квартиры. Я их покупал. А потом купил дом на холме. Приобретал машины. Я вкладывал деньги в биржевые акции и стал владельцем ценных бумаг. Я включил пятую скорость и все, что делал, делал по расписанию. Я занимался физкультурой как помещанный. Я водил машину на головокружительной скорости. Я зарабатывал столько денег – уму непостижимо! Я встретил темноволосую женщину по имени Жанин, которая полюбила меня, несмотря на мое расписание и постоянные отлучки. Мы встречались семь лет и только потом поженились. Через неделю после свадьбы я, как прежде, засел за работу. Я сказал ей и себе, что когда-нибудь у нас будут дети, то, чего ей так хотелось. Но это «когда-нибудь» так и не наступило.

Я весь ушел в достижение успеха, потому что успех, считал я, поможет мне контролировать все: я высосу из жизни все до единой капли радости и успею сделать это до того, как заболею и умру, что со мной наверняка случится в точности как с моим дядей.

А как же Морри? Что ж, время от времени я вспоминал о нем и о том, как он учил меня «быть человечным» и «думать о других», но все это было так далеко, словно в иной жизни. Все эти годы я выбрасывал письма, приходившие из университета Брандейса, считая, что все они об одном и том же: просят денег. Так что о болезни Морри я ничего не знал. Тех, кто мог мне рассказать об этом, я давно позабыл, номера их телефонов я похоронил в нераспакованных коробках на чердаке.

Так бы все и продолжалось, если бы однажды поздно вечером я не включил телевизор и, перескакивая с программы на программу, вдруг не наткнулся на нечто привлекавшее мое внимание...

Наглядные пособия

Часть первая

В марте 1995 года возле заснеженной дорожки у дома Морри в Западном Ньютоне штата Массачусетс остановился лимузин, в котором сидел Тед Коппел, ведущий программы Эй-би-си «Найтлайн».

Морри уже не вылезал из коляски, привыкая к тому, что его перетаскивают, точно куль, из коляски в кровать и из кровати в коляску. Во время еды он теперь кашлял, и жевать стало тяжелой обязанностью. Ноги ему отказали, он больше не мог ходить.

И тем не менее Морри отказывался унывать. Он искрился идеями. Он записывал свои мысли в блокнотах, на конвертах, папках, клочках бумаги. Краткие изречения о жизни в тени смерти. «Прими как данность: что-то тебе под силу, а что-то нет». «Прими прошлое как прошлое: не отрицай и не искажай его». «Научись прощать себя и прощать других». «Не думай, что слишком поздно в чем-то участвовать».

Скоро у него накопилось больше пятидесяти «афоризмов», которыми он делился со своими друзьями. Один из друзей, коллега по университету Мори Штейн, был так захвачен идеями друга, что послал их репортеру «Бостон глоуб», тот приехал к Морри и написал о нем большую статью. Заголовок ее гласил: «Последний курс профессора – его собственная смерть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.